

"Работал. Добычина в восхищении, так как она у меня на портрете моложе, красивее, благороднее и на себя похожа!"

Константин Сомов. Дневники

МУЗЕЙ РУССКОГО импрессионизма поставил себе целью открывать забытые имена, причём не только художников, но и галеристов, подвижников, культуртрегеров. К сожалению, многое утрачено, и дело не в революциях и войнах. Время — неумолимый пожиратель смыслов, и то, что казалось феерией, может обратиться в ничто уже завтра. Карета — в тыку, как в той сказке, гораздо более философской, чем принято полагать. Громкие фамилии перестают звучать гордо, и вообще — звучать! Спросите книгочеёв, кто такая Надежда Евсеевна Добычина (1884–1950). Вероятно, один из сотни вспомнит, как она устроила в своём бюро скандальную "Последнюю футуристическую выставку картин 0,10", где прославился "Чёрный квадрат" Казимира Малевича. Остальные — глубокомысленно промчат какую-нибудь ересь. О, лучше бы промолчали.

Итак, Музей русского импрессионизма приглашает на экспозицию "Выбор Добычиной". Девочка из небогатой еврейской семьи (девичья фамилия — Фишман). Выпускница биологиче-

Кто она, эта Надежда Добычина? Классическая self-made, эмансип, лидер, жена и мама, тонкая ценительница и крепкий товарищ, новатор и консерватор. Её искренне любил — как человек! — насмешник Бенуа. Заметим, что он и Дягилева умудрялся вышучивать, и Грабаря подкалывать. "Дорогая и милая" — так обращался Бенуа к Добычиной в письмах.

ПРОЕКТ СОСТОИТ из трёх частей: мероприятия Художественного бюро с 1912 по 1919 год, картины из личной коллекции Добычиной и — неосуществлённые замыслы конца 1910-х, которым помешали общественные пертурбации. Добыча Добычиной!

УЛОВ ДОБЫЧИНОЙ

Выставка в Музее русского импрессионизма

ского отделения Курсов Петра Лесгафта. Основательница Художественного бюро — уникальное агентства, продвигавшего современную живопись. Влиятельная особа, подруга Бенуа, Сомова, Головина. Дама с приличным состоянием, а после революции — советская служащая "на окладе", как тогда говорили, и муза-хранительница музейных ценностей. Муза музеев!

Выбор Добычиной — это не всегда бонтон, это зачастую фрппирующая новизна, как было с тем же Малевичем. Это изумляющая способность видеть будущее, не отрицая прошлого. Всё, что ей нравилось, осталось в памяти. Сама же она словно канула в Лету, и потому наша задача — вспомнить всё.

Вначале мы знакомимся с самой героиней — её портреты, хоть головинский, хоть сомовский, говорят о том, что Надежда Добычина была не слишком хороша собой. Худа, угловатая, смуглая — восточный типаж, но без той экзотической изюминки, что вызывала трепет в Серебряном веке. Константин Сомов, памятуя о своём триумфе, впоследствии напишет сестре: "Я буду рисовать даму и не красивую. Но ведь сделал же я из Добычиной дюшессу. Может быть, и тут мне повезёт, и останутся мной довольны". Не пытаясь нравиться, Добычина привлекала сердца.

Имеется и малоизвестный портрет, написанный Александром Бенуа в 1924 году. Акцент — на выразительные глаза,

хотя манто и шляпа, по моде начала 1920-х, написаны как раз весьма тщательно. Бенуа был мастером внешних нюансов. Скоро он покинет Петроград, будет скучать — и по России, и по Добычиной: "Ну вот мы и в Париже. Вы, вероятно, радуетесь за нас и даже, может быть, восклицаете: ах, как я им завижду! Но, дорогая, мне, во всяком случае, Вы не должны завидовать. Моё самочувствие моральное неважное, и я не могу отделиться от ощущения, что я здесь по какому-то принуждению! Дать бы мне возможность жить дома, в своей настоящей атмосфере, и я, разумеется, сейчас же отказался бы от всех здешних соблазнов и помычался бы назад в матушку Россию, которую, странное дело, я только недавно, на склоне жизни

и после всех горьких испытаний последних лет действительно признал за матушку, за родимый и нежно любимый край. Как это могло случиться, не знаю, но факт налицо — я сейчас чувствую себя несравненно более русским (без привкуса национализма), нежели прежде".

В экспозиции мы видим сразу несколько вещей Бенуа, и здесь он явлен как театральный оформитель. Его декорации к классическим произведениям выше всяких похвал — художник умел и раскрыть сюжетную линию, и очертить эпоху. Вот эскиз к знаменитой "Арлекинаде", балету Риккардо Дриго в постановке Мариуса Петипа. Интересно, что итальянец Дриго, подобно французцу Петипа, работал в России и писал произведения для нашей сцены, а на Западе "Арлекинада" (принято название Les Millions d'Arlequin) считается исключительным порождением русской культуры. Рисунки Александра Бенуа, к слову, также имевшего французские корни, дань общему увлечению Галантиным веком. Ностальгия по Венеции времён Карло Гольдони — это было типично и для Бенуа, и для ар-нуво в целом. Капризная лёгкость, несерьёзность, за коими скрывается печаль — таково осмысленное столетие в изображении Бенуа.

А вот "потерявшееся" имя — Николай Кульбин, который, собственно, и ввёл свою приятельницу Добычину в интеллектуальные круги Петербурга. Военврач, генерал, он был эксцентричной личностью, одним из теоретиков современной живописи и апологетом синтеза искусств. Увлёкшая идеей светомузыки и цветозвука, чему посвятил манифест "Свободная музыка", где, в частности, сказал: "Художник свободной музыки, как и соловей, не ограничен тонами и полутонами. Он пользуется и четвертями тонов, и осьмыми, и музыкой с свободным выбором звуков". Помимо этого, Кульбин проповедовал нудизм как систему оздоровления и гармонизации человека. "Солнечная ванна" повествует нам об отдыхе неких девушек, решивших приобщиться к гелиотерапии, как это называлось в актуальной прессе.

Игорь Грабарь выступает в своём любимом амплуа пейзажиста. Его по-осеннему лиричная и притом беспечальная "Рябинка" — несомненное украшение проекта. Очаровательная "Старая Руза" Роберта Фалька. С ней на контрасте — "Аптека в Витебске" Марка Шагала. Всё дело не в колористике и формах, но в мироощущении. Шагал при всей его задекларированной гениальности так никогда и не вышел за пределы "местечка" — ни духом, ни ритмом, тогда как иудей Фальк, подобно Левитану, чувствовал широту и глубину русской вселенной.

Море натюрмортов! Неожиданный "Финский букет" Бориса Кустодиева, редко писавшего природу — живую иль неживую. Для него цветы были дополнением к фабуле, а здесь всё внимание приковано к полевым растениям, которые написаны так изыщно, что кажутся оранжерейными созданиями. Емму вторит Мартирос Сарьян с "Голубыми цветами" — при беглом взгляде они выглядят не голубыми, но синими, с той бодрой интенсивностью, что отличала Сарьяна, и лишь потом раскрывается голубая нежность, словно идущая из середины каждого соцветья. Далее — несколько работ Ильи Машкова, из которых бесспорно дивны "Розы" в круглой раме-рондо.

ПОМИМО ЗНАКОВЫХ ИМЕН — забытые. Например, Александр Гаух — "мирискусник", педагог, теоретик живописи и архитектуры, меценат и декоратор кукольных спектаклей, он практически выпал из исторической памяти. "Китайская ваза" — торжество цветности, страсть к дерзким контрастам. Его же пейзаж "В парке" радует свежими оттенками зелени. В живописи Гауха прослеживается вторичность — что-то от Головина, что-то от Сомова. Нет своего почерка, но Гауха надо рассматривать как персону, а не как художника. Особа Серебряного века — это разноплановость и распыление себя. Это понемножку во всём. Это желание охватить и музыку, и переводы, и кукольный театр.

В связи с этим примечательна картина Петра Кончаловского — портрет барона Константина Рауша фон Траубенберга, как раз воплощавшего типаж эпохи ар-нуво. Некрасивый, но демонический и завораживающий — таким он предстаёт на полотне Кончаловского. Сложно понять, кем он был, этот Траубенберг: скульптором малых форм, как гласят о нём искусствоведческие словари; живописцем, каковым считал себя сам; прожигателем жизни, как судачили о нём окружающие. Игорь Грабарь писал о бароне: "Он был типичный дилетант, прожигатель жизни, но человек не без способностей. Циник от природы, развивший это свойство до невероятных пределов своеобразной философией эгоизма, он сначала рисовал, потом стал лепить. Траубенберг жуировал в петербургских светских кругах, оспетлившись, женился и работал небольшие статуетки, имевшие на выставках успех".

Дважды сбегал в Париж — сначала от церковных властей, узнавших, что он женился на родственнице, потом — от комиссаров, с которыми такому повесе было явно не по пути. Скончался Траубенберг в эмиграции, а Бенуа заметил не без печали: "Относительно смерти барона Рауша ничего не удалось узнать. Известно, что он умер и только. Ещё не так давно (года два-три) знаковые люди случайно встречали его вдову, но с тех пор и она как-то канула в суете парижской жизни". Русский и европейский модерн оказался богат на людей, которые и сами были "произведениями искусства".

Но вернёмся к натюрмортам. Несомненный гений Кузьма Петров-Водкин представлен типичной для него расстановкой — фрукты, хаотически разбросанные по алгой поверхности, всё уравнивошеивает ярко-синяя шкатулочка. Вид сверху, будто создатель наблюдает за жизнью предметов, невидимой для большинства.

Амазонки русского авангарда! Именно в "патриархальной" России 1900–1910-х годов блистала плеяда выдающихся женщин-художниц, имевших больше свободы (как внутренней, так и общественной), чем французкини, тем паче американки. Надежда Удальцова представлена "Молотком и кружкой", а её коллега Ольга Розанова — интерьерной темой "Гиваная". Обе композиции — кубофутуристические, в остро скандальной манере, когда поверхность предмета буквально раскладывается и разбивается, делая вещь неузнаваемой.

В дамский "хор" вступает Наталия Гончарова. Она была дружна с Добычиной и почитала её своей феей-крёстной. Та углядела в самобытной мастерице нечто большее, чем супругу Михаила Ларионова, уже зарекомендовавшего себя как смелый авангардист. Жаль, что в связи с триумфами Гончаровой чаще всего упоминают Сергея Дягилева, но почти никогда не говорят о Надежде Добычиной, хотя та выставляла в своём Бюро наиболее дерзкие работы Гончаровой. В экспозиции — "Бабы с граблями" и "Стрижка овец". У Гончаровой было какое-то парадоксальное видение цвета — её колористику невозможно спутать ни с какой другой. Это не банальная яркость, но особое зрение, какое даётся столь же редко, как и стопроцентный музыкальный слух.

Конечно, даже обширная выставка не смогла бы вместить всё, что прошло через Бюро Добычиной, — это наметки, наброски, напоминания. Капельки в море, но зато какие ценные! Сама же галеристка ни о чём не жалела — ни о главном деле своей судьбы, ни о том, что после революции пришлось от него отказаться. А парижской доле Бенуа не завидовала уж точно. Умерла Добычина на излёте сталинской эры, в Москве, где служила в Музее Революции.

Галина ИВАНКИНА

На фото: Надежда Добычина в своём Художественном бюро в Доме Адамши на набережной реки Мойки в Петербурге. Предположительно 1915 г.

ПРАЗДНИК РУССКОГО СЛОВА

Разговор с писателем Василием АВЧЕНКО

В начале июня на главной площади страны прошёл книжный фестиваль "Красная площадь". В этом году одним из участников фестиваля стал наш автор — писатель, публицист Василий Авченко. Он представил свою новую книгу "Красное небо". Это книга о советских лётчиках, Корейской войне, Дальнем Востоке, космической гонке СССР и США. Кроме того, в рамках фестиваля он продикувал желающим проверить свои знания текст, посвящённый морякам терминам. Это не первый опыт чтения диктанта Василием Авченко: текстом Тотального диктанта — 2023, столицей которого в этом году явился Нижний Тагил, стала зачитанная самим автором работа о путешественнике, учёном, писателе Владимире Арсеньеве. Поздравляем Василия Олеговича с творческим успехом.

"ЗАВТРА". Василий Олегович, в этом году вы стали автором текста Тотального диктанта, что не может не удивлять и не радовать, так как раньше выбор падал едва ли не на одних лишь либералов. Как вам поступило предложение? Вы предлагали себя в качестве автора или вам неожиданно позвонили?

Василий АВЧЕНКО. Организаторы Тотального диктанта мне сделали предложение, и я его принял. Не знаю, как они выбирают автора, может, смотрят на премиальные списки, на появление в публичном поле книги тех или иных авторов...

"ЗАВТРА". На тематику книг.

Василий АВЧЕНКО. Насчёт тематики, думаю, нет. Если ретроспективно посмотреть на авторов Тотального диктанта, то это совершенно разные фигуры. И отнюдь не только, как вы говорите, либералы. Достаточно напомнить, что среди авторов был и Захар Прилепин. Очень широкий спектр. И тематика разная, и авторы — идеологически, стилистически, жанрово... Разные литераторы, разные тексты. В любом случае — впервые автор был с Дальнего Востока и впервые выбор был сделан в пользу документальной литературы, которой я занимаюсь.

"ЗАВТРА". Орывок для чтения выбрали вы, или вам организаторы сказали: "Вот это вы прочитаете"?

Василий АВЧЕНКО. Для диктанта каждый раз текст создаётся специально, чтобы его нельзя было списать, подсмотреть. Сам автор выбирает тему. Я решил рассказать о Владимире Арсеньеве, 150-летие которого мы отмечали в прошлом году. Это очень интересный человек — офицер, путешественник, государственный, мыслитель, общественный деятель. Исследователь Дальнего Востока, учёный, писатель. Арсеньев, конечно, заслуживает, чтобы о нём писали книги, снимали фильмы, исследовали его наследие. Я этой фигурой давно интересуюсь и решил ещё раз напомнить об Арсеньеве и его мыслях. Что называется, пользуясь случаем.

"ЗАВТРА". А сами ранее вы писали Тотальные диктанты?

Василий АВЧЕНКО. Писал несколько раз. Были и пятёрки у меня за диктант, и четвёрки.

"ЗАВТРА". Насколько успешно участники справились с диктантом в этом году?

Василий АВЧЕНКО. В целом показатели, насколько знаю, соответствуют средним. Количество отличников сравнительно невелико, но оно более или менее стабильно из года в год. Далее идут хорошисты, троечники, двоечники... В слово "двоечники" я здесь не вкладываю отрицательного смысла. Это в школе критерии таковы, что и тройка — оценка не очень хорошая. А здесь непростые тексты, критерии оценки очень строгие, так что тройка — оценка высокая. Да и из-за двойки не стоит огорчаться. Как мы говорим, это акция не карательная, а просветительская, это праздник языка. Как 6 июня — День русского языка, так и диктант — тоже праздник русского языка, праздник словесности.

"ЗАВТРА". Что людей приводит на это испытание? Или это приключение?

Василий АВЧЕНКО. И испытание, и приключение. Человеку хочется испытать себя, вспомнить позабытое, что изучал в школе. Может, узнать что-то новое о языке, погрузиться в какую-то тему. Для меня лично были важны не только знаки препинания или орфограммы, но и содержание. Моя сверхзадача — привлечь внимание к Арсеньеву и его наследию, побудить либо вспомнить о нём, либо открыть впервые для себя. Если кто-то заинтересовался этой фигурой, я считаю свою задачу выполненной.

"ЗАВТРА". Ваша новая книга, которую вы и представили на фестивале, посвящена во многом прошлому — и событиям, и людям. А в интересе к личности из прошлого чего больше — внимания к бытовому, или всё-таки важна населенность на будущее, и прошлое — как стартовый стол для ракеты в будущее? Что людей привлекает в таких книгах: читатель хочет уйти от действительности или черпает силы в прошлом, в великой истории, которую делали люди, о коих и идёт речь?

Василий АВЧЕНКО. Думаю, скорее, второе: набраться сил в славной, драматической, сложной истории, посмотреть в зеркало прошлого и увидеть себя. Это не уход от действительности. Уход от действительности — это другие литературные жанры или формы досуга.

Для меня нет противоречия между прошлым и будущим. Мне история видится как сплошное настоящее, и тысячу, и 100 лет назад, и сейчас — всё это настоящее, где мы видим и трагические, и драматические события происходящие сейчас истории, видим, как они рифмуются с событиями прошлых веков, повторяются на новых витках диалектической спирали. И конечно, я разделяю мнение, что книга о прошлом — это всегда книга и о настоящем, и даже о нашем возможном будущем.

"ЗАВТРА". Раньше путешественники были исследователями, первооткрывателями, становились героями, потому что преодолевали трудности, проходили через испытания ради

высоких целей обретения новых земель, знаний об этих землях. Сейчас путешественник — это досужий турист.

Василий АВЧЕНКО. Возможность стать героем есть и сейчас. Как говорили в советское время, "в жизни всегда есть место подвигу". Но вы правы, турист и путешественник — это совершенно разный род занятий, разный тип характера, разный образ жизни. Путешественники, первооткрывцы, как Марко Поло, Семён Дежнёв, Пржевальский, тот же Владимир Клавдиевич Арсеньев, и современный турист... Сравнить не стоит.

В какой-то момент у людей так называемого среднего класса и выше появилось много свободного времени, много лишнего денег, и они начали ездить по миру, чтобы сменить обстановку, расслабиться. Да, они в какой-то степени расширяют свой кругозор, но в основном загорают на пляжах, сидят в ресторанах. Кто-то взбирается на Эверест, занимается другими экстремальными вещами. Но большого смысла во всём этом, даже подвижничества, какое было у путешественников прошлых столетий, здесь, конечно, нет, нет и пользы для человечества, нет открытий и откровений.

Мне такой тип человеческого поведения, который показывает современный массовый турист, малоинтересен. Нужен смысл. И я если куда-то еду, то ишу смысл. Разведать что-то новое, открыть если не на карте, то в самом себе. Бывают журналистские задачи в поездках или, например, возможность поработать с каким-то архивом, который никто никогда не открывал, раскопать что-то важное. По возможности люблю бывать на Чукотке, Колыме, в заповедных сибирских уголках... Ехать куда-то праздным туристом мне неинтересно. На курортах, "на отдыхе" не был ни разу. Лучше буду сидеть дома, книги читать, что-то из них выписывать — это важнее.

"ЗАВТРА". Выбирая книги для чтения, чем вы руководствуетесь?

Василий АВЧЕНКО. Я обычно одновременно читаю несколько совершенно разных книг. Это и художественные произведения, классика русская и зарубежная, и современные. Много документальных книг самого разного характера и толка.

В последнее время мне очень интересен русский космизм — Фёдоров, Богданов, Вернадский, Ферсман... Последнего реже причисляют к космизму, но в его научно-популярных книгах — "Воспоминания о камне", "Занимательная геохимия" — не только интересные рассказы о камнях и геологах, но настоящие прозрения и откровения. Откуда взялся мир и как мировое вещество развивалось. Как связано живое и неживое вещество, как родился человек, куда движется эволюция, что будет с нами дальше. Это всё близко к космизму, к идеям французского мыслителя Шардена, что это страшно интересно.

Очень интересны наши землепроходцы, которые шли на восток в XVII и XVIII веках, уже после Ермака — Москвитин, Дежнёв, Стахухин, Шалауров и так далее. Не всем досталась известность, многие пропадали, гибли. Это было мощное подвижническое движение, хотя была и экономическая подоплёка — соболь. Но не только. Меня всё это очаровывает, я во всём этом живу, пытаюсь понять, осмыслить.

"ЗАВТРА". Насколько активна литературная жизнь на Дальнем Востоке, есть ли потенциал, желание авторов писать и желание читателей читать?

Василий АВЧЕНКО. Пока есть речь, пока человек говорит, он пишет и читает. Книги пишутся и читаются. Другое дело, насколько это массово. Наша страна стоилицентрична, в чём есть и плюсы, и минусы. Да, именно столица держит стран-ным образом всю эту конструкцию, которая, как порой кажется, вообще не может существовать устойчиво, — гигантская тектоническая плита не

с самым большим количеством народа. Но есть и минусы. Не хотелось бы, чтобы все блага — и материальные, и нематериальные, культурные, доступ к образованию, театрам, библиотекам, книгоизданию — были сосредоточены лишь в Москве.

"ЗАВТРА". За исключением горстки людей, этого никому не хочется.

Василий АВЧЕНКО. Хотелось бы без перекосов, дисбаланса, чтобы было более равномерное распределение. Чтобы не было так: есть Москва — и есть всё остальное. Хотелось бы, чтобы в каком-то смысле столичным был каждый провинциальный город, чтобы в нём были издательства, книжные магазины в достаточном количестве, литературные журналы, мощное культурное сообщество.

Да, у нас, безусловно, есть люди и пишущие, и читающие. Но не могу назвать дальневосточную литературную среду сильной, развитой. Есть отдельные интересные явления, но нет системы, среды, грибкины. Есть "пчёлы", но нет улья. Есть в Магадане издатель Павел Жданов, он сейчас участвовал и в фестивале на Красной площади, выпускает в своём издательстве "Охотник" прекрасные книги. Есть Александр Колесов во Владивостоке — замечательное издательство "Рубеж". Но это единичцы — подвижники, энтузиасты, частная инициатива того или иного человека. Если они уйдут, не уверен, что это свято место будет заполнено.

Интересное явление недавнего прошлого: в 1960–1970-е годы жили в Иркутске и Краснояр-

ске великие сибиряки Распутин, Вампилов, Астафьев. Создавали произведения всеозноного и даже всемирного значения, их переводили на многие языки. Хотелось, чтобы подобное имело место и сейчас — и в Сибири, и на Дальнем Востоке, в Магадане, Петропавловске-Камчатском, Южно-Сахалинске и так далее. Но пока что есть отдельные искорки, из которых пламя ещё не разгорается. Тем не менее люди живут, пишут и читают.

Сейчас вообще всё сегментировано. Трудно представить книгу, которую бы читали все, которая могла бы стать общей темой для разговора.

"ЗАВТРА". Но государство ведь создавало систему, в которой это работало. Общая тема: из безграмотной страны создали страну самую читающую и обсуждающую прочитанное. Надеюсь, что основание книжного фестиваля на главной площади страны, приглашение к участию в нём представителей всех регионов — это понимание государственной важности и литературы, и единства литературного процесса.

Беседовала Екатерина ГЛУШИК

На фото: писатель Василий Авченко представляет свою новую книгу на книжном фестивале "Красная площадь". Июнь 2023 года.